

0-781047

На правах рукописи

Юнусова Резеда Джаудатовна

**Аксиология фразеологизмов
со значением 'гостеприимство / кунакчыллык'
в русском и татарском языках**

Специальность 10.02.20 – сравнительно-историческое, типологическое и
сопоставительное языкознание

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Казань 2009

Работа выполнена на кафедре сопоставительной филологии и межкультурной коммуникации государственного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Казанский государственный университет им. В.И.Ульянова-Ленина»

Научный руководитель доктор филологических наук, профессор
Байрамова Луиза Каримовна

Официальные оппоненты: доктор филологических наук, профессор
Хакимзянов Фарит Сибирзянович
кандидат филологических наук, доцент
Фидаева Лилия Ильдусовна

Ведущая организация - государственное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Елабужский государственный педагогический университет».

Защита состоится 15 декабря 2009 года в ____ часов на заседании диссертационного совета Д 212.078.03 по присуждению ученой степени доктора филологических наук при государственном образовательном учреждении высшего профессионального образования «Татарский государственный гуманитарно-педагогический университет» по адресу: 420021, г. Казань, ул. Татарстан, 2.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке государственного образовательного учреждения «Татарский государственный гуманитарно-педагогический университет».

Электронная версия автореферата размещена на официальном сайте ГОУ ВПО «Татарский гуманитарно-педагогический университет» 13 ноября 2009 года. Режим доступа: <http://www.tggpu.ru>

Автореферат разослан 15 ноября 2009 года

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА КГУ

0000623821

Ученый секретарь
диссертационного совета,
кандидат филологических наук

Р. Г. Мухаметдинова

Общая характеристика работы

Ценности как идеалы и приоритеты человеческой деятельности характеризуют духовный и материальный мир человека, своеобразие национально-культурного миропонимания, закреплённого и отражённого в языке. Аксиологическая лингвистика (наука о ценностях по данным языка) определяет направление и проблематику современной лингвистики. Исследование отражения ценностей во фразеологии в настоящее время ведется в нескольких направлениях. На материале фразеологии русского языка изучаются установки культуры, ориентирующие человека «в достойном и недостойном его отношении к природе, самому себе как личности (Я), к социальному окружению (другим)...» [Телия 2006: 776]. Ценности трактуются как морально-нравственные ориентиры жизнедеятельности, для изучения которых выявляются культурные слои (культурные коды) во фразеологии. Универсальные культурные коды всегда национально детерминированы и обусловлены самобытной культурой народа.

Аксиологический аспект реферируемой работы, фразеологическая концептуализация духовной и нравственной сферы человека на материале русского и татарского языков, выявление универсального и специфического определяет актуальность темы и проблематику диссертационной работы. На примере фразеологизмов с семантикой 'гостеприимство / кунакчылык' исследуются связи и отношения, возникшие в экстралингвистической сфере, своеобразие которой обуславливает и механизм вербализации ценностей в языковой картине мира: Актуальность работы мотивируется необходимостью осуществления многопланового, системного описания ценностей, представленных во фразеологии, и необходимостью совершенствования методов описания фразеологической концептуализации в сопоставительном аспекте.

Объектом исследования являются фразеологизмы русского и татарского языков о гостеприимстве.

Предмет исследования – ценности русского и татарского народа, представленные сквозь призму фразеологических единиц с семантикой гостеприимства, отражающий соотносённые с гостеприимством ценности этносов.

Цель исследования – сопоставление русских и татарских фразеологизмов в аксиологическом аспекте, репрезентирующих гостеприимство.

Поставленная цель конкретизируется в следующих **задачах**:

1. Описать представления о гостеприимстве, выявить элементы ситуации, значимые для ее интерпретации на основе философских и этических исследований понятия гостеприимства и идеографических описаний лексем: *гость, гостеприимный, гостеприимство, кунак, кунакчыл, кунакчылык*.

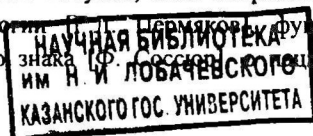
2. Дать тематическую классификацию русских и татарских фразеологизмов с семантикой гостеприимства в аксиологическом аспекте.

3. Охарактеризовать семантический аспект отображения аксиологии гостеприимства во фразеологии сопоставляемых языков.

4. Определить эквивалентные и лакунарные единицы в русских и татарских фразеологизмах о гостеприимстве.

Материалом для исследования послужили данные лексикографических источников, паремиологических справочников (470 русских ФЕ и 700 татарских ФЕ), высказывания и тексты разных стилей и жанров (около 800 высказываний и текстовых фрагментов), содержащие описания ситуации приема гостей и гостевание. В процессе сбора и систематизации основного языкового материала применялись семасиологический и ономасиологический подходы, т.е. фиксировались все языковые единицы, в семантике которых эксплицитно или имплицитно воплощается идея гостеприимства. Фразеологический материал получен в результате выборки из словарей разных типов: *Ашукин Н.С., Ашукина М.Г.* Крылатые слова. М., 1955; *Баранов О.С.* Идеографический словарь русского языка. М., 1995; *Бирих А.К., Мокиенко В.М., Степанова Л.И.* Словарь русской фразеологии. Историко-этимологический справочник. СПб., 2001; *Даль В.И.* Пословицы русского народа: В 3 т. М., 1993; *Даль В.И.* Толковый словарь русского языка. Современная версия. М., 2002; *Жуков В.П.* Словарь русских пословиц и поговорок. М., 1991; *Зимин В.И.* Словарь-тезаурус русских пословиц, поговорок и метких выражений. М., 2008; *Караулов Ю.Н., Сорокин Ю.А.* и др. Русский ассоциативный словарь. М., 1998; *Михельсон М.И.* Русская мысль и речь: свое и чужое: Опыт русской фразеологии: Сборник образных слов и иносказаний: В 2 т. М., 1979; *Мокиенко В.М.* Словарь сравнений русского языка. СПб., 2003; Фразеологический словарь русского языка / Под ред. А.И.Молоткова. М., 1987; *Байрамова Л.К.* Русско-татарский фразеологический словарь языка В.И.Ленина. Казань, 1980; *Байрамова Л.К.* Учебный тематический русско-татарский фразеологический словарь. Казань, 1991; *Борханова Н.Б. Мэхмутова Л.Т.* Русча-татарча фразеологик сүзлеге. Казан, 1959; *Исәнбәт Н.* Татар теленен фразеологик сүзлеге: 2 томда, Казан, 1989-1990, *Исәнбәт Н.* Татар халык мәкалһләре: 3 томда, Казан, 1959-1967; *Сафиуллина Ф.С.* Татарско-русский фразеологический словарь. Казань, 2004.

Теоретическая основа исследования сформирована с опорой на основные положения фразеологической аксиологии [К. Жуков, Л.К. Байрамова], принципы сопоставительного изучения лексико-фразеологического состава языков [Р.А. Юсупов, Л.К. Байрамова, В.М. Мокиенко], концепции и идеи паремиологии. Фундаментальные положения о ценности языкового знака [Ф. Соссион] в национально-культурном своеобразии ЯКМ

[В.Н. Телия, Р.Р. Замалетдинов, Н.Д. Арутюнова, Г.В. Колшанский и др.], об отображении в языковых образах мира и человека [Ю.Д. Апресян и др.].

Научная новизна исследования заключается в том, что в работе впервые в аксиологическом аспекте осуществляется сопоставительный анализ фразеологических единиц с семантикой 'гостеприимство / кунакчылык' в русском и татарском языках. Традиция гостеприимства и ее отражение в языке изучались ранее фрагментарно. Исследование концепта гостеприимства на материале русского, казахского и английского языка представлено в работе С.С. Жабоевой. Автор выделяет универсальные признаки концепта гостеприимство, к которым относит радушие, щедрое угощение, приверженность традициям, благодарность гостей хозяевам. В работе описана национально-культурная специфика реализации концепта гостеприимства, а именно: широта русской души, английская сдержанность и следование этикету [Жабоева 2004].

В данной диссертации впервые русские и татарские фразеологизмы о гостеприимстве исследуются в аксиологическом аспекте, устанавливается система ценностей, сопряженная с ценностью гостеприимства, выявляются универсальные и уникальные образы русских и татарских фразеологизмов с семантикой гостеприимства. Научная новизна реферируемой работы заключается также и в том, что для рассмотрения фразеологии о гостеприимстве привлекаются дополнительные данные из философской и художественной литературы с целью реконструкции аксиологического контекста интерпретации значения исследуемых фразеологизмов. Для описания имплицитной ценностной информации используется понятие аксиологический маркер – компонент фразеологизма, который не называет ценность, но посредством ассоциативных связей может быть соотнесен с ценностью или антиценностью. Например, во фразеологизме *Кунак сыйларга ачык чырай, такта чай да жита* (букв. *Чтобы угостить гостя, достаточно открытого лица и плиточного чая*) прилагательное *ачык* является аксиологическим маркером, так как одно из значений прилагательного *ачык* 'явный, явственный, непритворный'. Прилагательное *ачык* ассоциируется с *открытостью*, которая приравнивается к таким нравственным качествам, как честность, порядочность и противостоит притворству и скрытности.

Теоретическая значимость диссертационной работы состоит в том, что в ней выделены и охарактеризованы базовые идеи аксиологической семантики, на этой основе проведено сопоставительное описание ценностей, представленных в русской и татарской фразеологии о гостеприимстве.

Практическая значимость работы представляют выводы и наблюдения, которые могут быть использованы в лингводидактических целях: при составлении одноязычных и двуязычных фразеологических словарей; кроме

того, могут быть использованы при чтении курсов по лексикологии, фразеологии и лингвистической типологии. Полученные результаты могут способствовать дальнейшей разработке теории фразеологической аксиологии и практики изучения фразеологизмов в сопоставительном аспекте.

Методы исследования. Настоящее исследование представляет собой сопоставительно-типологическое описание анализируемого материала. В зависимости от специфики лингвистического материала и этапа исследования также применялись метод реконструкции метафорических моделей, метод компонентного анализа для исследования семного состава фразеологических единиц и их компонентов, элементы концептуального анализа.

Положения, выносимые на защиту:

1. Гостеприимство является нравственно-этической ценностью, что подтверждается фразеологическим материалом. Русские и татарские фразеологические единицы о гостеприимстве отражают представление о приоритете нравственных качеств в гостевом этикете, свидетельствуют о национально-культурной детерминированности ценностей и соответствующих стереотипов в ситуации гостеприимства.

2. В русских и татарских фразеологизмах результат аксиологического осмысления ситуации гостеприимства выражается посредством различных языковых показателей ценностей, в качестве которых могут выступать: собственно оценочные слова; антропонимы, зоонимы (используются для образной характеристики человека и выражают эмоциональное отношение к объекту оценки), синтаксические структуры побудительной семантики, предписывающие выполнить определенную норму.

3. В русских и татарских фразеологизмах выделяются частичные эквиваленты, фразеологические аналоги и лакунарные единицы. Последние связаны с этнографическим, культурным и ментальным своеобразием отражения практики приема гостей во фразеологических единицах. В русском языке лакунарные единицы связаны с пиршественными традициями народа, в то время как татарские лакунарные единицы отражают идею взаимности (реципрокности).

Апробация. Основные положения и результаты исследования легли в основу докладов на итоговых научных конференциях КГУ (2007, 2008), на международных конференциях: «Теории и практики языкового плюрализма и билингвизма: междисциплинарный подход» (Казань, 2006); «В.А. Богородицкий: научное наследие и современное языковедение. (Казань, 2007); «Билингвизм как явление межкультурной коммуникации: реалии и перспективы» (Казань, 2007); «Язык и культура в России: состояние и эволюционные процессы» (Самара, 2007); «Языковая семантика и образ мира» (Казань, 2008); «Л.Н. Толстой – это целый мир» (Тула, 2008).

Структура работы Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения, библиографии, списка опубликованных источников эмпирического материала.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во Введении обосновывается актуальность и новизна избранной темы, определяются цель и задачи работы, устанавливаются методы исследования. Раскрывается теоретическая и практическая значимость темы исследования.

В первой главе «Теоретические аспекты исследования аксиологической лингвистики» рассматриваются теоретические вопросы, составляющие философскую и лингвистическую основу реферируемой работы.

В первом разделе *«Проблема ценностей в аксиологической лингвистике»* представлены основные понятия и методы изучения ценностей в лингвистике. Лингвистическая аксиология рассматривает язык как важнейший источник информации о ценностях. Изучение «языка ценностей» в диахроническом и синхроническом аспектах, рассмотрение свободной (оказиональной) и узуальной текстовой сочетаемости слов составляет предмет изучения лингвистической аксиологии. Методологическая база данного направления – теоретические концепции современной когнитивной лингвистики, реализованные в лексикографической практике («Словарь народных стереотипов и символов» под ред. Е. Бартминьского и Ст. Небжеговской, «Словарь устойчивых словосочетаний русского языка», «Большой фразеологический словарь русского языка» под ред. В.Н. Телии).

Одно из направлений аксиологической лингвистики реализуется в лаборатории «Аксиологическая лингвистика» под руководством В.И. Карасика [Карасик 2004]. Понятие ценностной картины мира, образованное по аналогии с понятием языковая картина мира, позволяет изучать ценностные представления как систему концептов.

Во втором разделе *«Фразеологическое значение в аксиологическом аспекте»* рассматриваются методы изучения ценностного компонента значения фразеологизмов и дается обоснование группы конкретных методов, позволяющих выявить аксиологическую информацию в изучаемом материале. Понятие культурного кода – реалии, которые человек награждает культурным смыслом – позволяет соотносить значение фразеологизма с ценностями. Для описания ценностей авторы «Большого фразеологического словаря русского языка» используют культурологический комментарий, в котором «выявляются и описываются живущие во фразеологизмах культурные смыслы на основе соотнесения фразеологизма со сферой культуры как особой знаковой системы, отображающей с древнейших времен мировидение и мирозерцание

человеком макро- и микрокосмоса и морально-нравственных ценностей человеческого «общезития» в них» [Телия 2006: 777]. Приемы описания фразеологизмов состоят из следующих процедур: 1) восстановления «внутренней формы» фразеологизма на основе образного основания и этимологического, страноведческого комментария компонентов ФЕ, 2) описания архетипических следов в образном основании ФЕ через систему бинарных оппозиций верх / низ, темный / светлый, свой / чужой; 3) описания мифологических представлений об устройстве мира: анимизма, фетишизма, ритуалов; 4) установления соотносительности фразеологизма в целом или его компонентов с кодами культуры.

Другое направление исследований отражения ценностей во фразеологии связано с теоретической разработкой аксиологической парадигмы, аксиологического вектора, аксиологических диад [Байрамова 2007, 2008, 2009], а также фразеологической концептуализации ценностей на материале разноструктурных и генетически неродственных языков. Для ценностного рассмотрения семантики пословиц К.А.Жуков ввел понятие «аксиологема» – выбранная из парадигматического ряда характеристика, «которая избирается в качестве оценки, воплощенной в целом ряде паремий» [К.Жуков 2004: 109]. В исследованиях, посвященных изучению сопоставительной фразеологической аксиологии, разработана классификация конвенциональных ценностей и антиценностей, закодированных в сознании и культуре социумов, которые находят отражение в виде фразеологических диад. Выделяются следующие группы ценностей: «витальные (аксиологемы: жизнь – смерть, здоровье – болезнь), гедонистические (аксиологемы: счастье – несчастье), священные (аксиологемы: родина – чужбина), социально-утилитарные (аксиологемы: труд – безработица / лень / отдых), материально-утилитарные (аксиологемы: богатый – бедный); интеллектуально-познавательные (аксиологемы: умный – глупый); нравственно-этические (аксиологемы: правда – ложь); эмоционально-утилитарные (аксиологемы: смех – плач); религиозные (аксиологемы: рай – ад)». Понятие фразеологической диады позволяет классифицировать фразеологические единицы по соотношению их с конвенциональными ценностями и антиценностями. На обширном фразеологическом материале разных языков было показано, что конкретные ФЕ, образующие фразеологическую диаду отражают национальное своеобразие фразеологической концептуализации универсальных ценностей. Роль аксиологем, образующих фразеологическую диаду, выполняют аксиологически заряженные понятия, отражающие различные ценности и антиценности [Байрамова 2008: 300]. Совершенно справедливо, что изучение ценностей, отраженных в языке, невозможно без разработанного языка описания и методов изучения «языка ценностей». Понятие фразеологической диады, аксиологемы,

аксиологической парадигмы, аксиологического вектора позволяют исследовать синхронический и диахронический аспект отражения ценностей во фразеологии. Традиционная тематическая классификация ФЕ не соответствует целям аксиологического исследования, так как ценности образуют систему взаимосвязанных понятий, в контексте которых становится возможным описание ценностей, отраженных в языке. В реферируемой работе фразеологизмы о гостеприимстве относятся к нравственно-этической группе ценностей, описание аксиологем на материале фразеологизмов о гостеприимстве представляет систему этических понятий или добродетелей.

В третьем разделе *«Понятие гостеприимства в философских и лингвистических исследованиях»* представлена реконструкция значения концепта 'гостеприимство' с привлечением философских источников, в которых дается дефиниция понятия, как результат философской интерпретации и реконструкции смысла гостеприимства. Результаты философского исследования и художественного отображения ситуации гостеприимства позволяют определить ценность гостеприимства и его место в системе этических представлений. Познание и описание ценностей предполагает познание связей между ними. В нормах поведения, относящихся к ситуации гостеприимства, противостоят ценность активности (деятельность) и ценность пассивности (смирение, скромность). Ситуация гостеприимства относится к классу ситуаций взаимодействия людей, поэтому ценность гостеприимства есть выражение потребности человека устанавливать связи с другими людьми, то есть гиперонимом *гостеприимства* является *альтруизм*, которому противостоит ценностная индифферентность *эгоизма*. В ситуации гостеприимства реализуются такая фундаментальная ценность, как *свобода*, личное переживание которой оформляется в *чувстве собственного достоинства*. Ценности выражают человеческие убеждения о типах поведения и предпочтительных целях, которые образуют ценности внешнего обхождения (этикет): уважение, такт, почтительность, благожелательность и приветливость, содержащие общую сему 'признание ценности другого человека'.

Гостеприимство является универсальной ценностью в самых различных культурах, так как ролевая и сценарная структура ситуации гостеприимства формирует категорию «социального Я», ориентируют человека в достойном его отношении к самому себе и социальному окружению. Осознание общественной значимости гостеприимства приводит к созданию правил и норм, гостевого этикета.

Во второй главе *«Сопоставительный анализ фразеологизмов с семантикой 'гостеприимство / кунакчылык'»* проводится исследование аксиологии русских и татарских ФЕ о гостеприимстве.

В первом разделе «Прототипическая модель гостеприимства в русском и татарском языках» рассмотрены вопросы формирования корпуса исследуемых единиц, выбора основания для межязыкового сопоставления русских и татарских ФЕ, обосновывается целесообразность использования в качестве основания сопоставления прототипической модели гостеприимства. Для построения прототипической модели гостеприимства в реферируемой работе привлекаются результаты философской интерпретации гостеприимства, анализ словарных дефиниций и различных контекстов употребления слов *гостеприимство*, *гостеприимный*, *гость*, *кунакчылык*, *кунакчыл*, *кунак*, которые отражают повседневное (обыденное) понимание гостеприимства в разных языках. Опираясь на идеи М. Бахтина [Бахтин 1994] об архитектонике ценностного пространства, были выделены три тематические группы, которые соотносятся с центрами этого пространства: нормы и предписания, группа «гость» и группа «хозяин».

В первом разделе «Семантика правил и предписаний фразеологизмов о гостеприимстве» сопоставляются нормы поведения, эксплицированные в паремиях о гостеприимстве. Правила и предписания – это совокупность коммуникативно принятых норм между членами сообщества, в них отражаются представления этноса о ценностях, определяющих взаимоотношения людей в русской и татарской культурах, а их семиотическая структура констатирует некий общий закон. В конкретной ситуации употребления паремии 1) отражается восприятие говорящего в отношении дела, которое происходит сейчас, 2) даются говорящему обоснования для его решения или 3) интерпретируется ситуация. К паремиям с обобщенным значением с семантикой гостеприимства относятся выражения, которые различаются синтаксической формой и семиотической структурой:

1. Для передачи прямого значения побуждения употребляется форма глагола 2-го лица повелительного наклонения. Например, в паремии *Рад не рад, а говори: милости просим* общий закон поведения подразумевается, а эксплицирована конкретная ситуация «приход гостей» и требование «встретить приветливо пришедших», подразумевается норма «хозяину всегда следует радушно встречать гостей». В татарской пословице *Сыйлаганда, су эч (букв. Потчуют, воду пей)* эксплицирована ситуация «отказ гостя от угощения» и выражено требование «угощайся, когда потчуют», подразумевается норма «гостю следует быть уступчивым и вежливым, так как отказ может обидеть хозяина». Если пословицу *Сыйлаганда, су эч!* произносит гость, то эксплицируется ситуация «хозяин потчует гостя», содержится прескриптивный намек на другую норму: не следует злоупотреблять уступчивостью гостя.

В паремиях татарского языка употребляется форма глагола 3-го лица повелительного наклонения, например: *Кунактан качкан йортның түбәсе*

башына ишелсен (букв. Пусть обрушится крыша дома у того, кто прячется от гостя).

2. В синтаксических конструкциях с глаголом 2-го лица изъявительного наклонения и глаголом 3-го лица мн. ч. изъявительного наклонения выражается обобщенное значение, рассматривается конкретная ситуация как пример общего закона, а имплицитно указывается, что адресат пословицы должен ему следовать. Употребление глагола в настоящем времени передает семантику вневременности действия, его обычности и может быть интерпретировано как обычай, закон: *Соловья баснями не кормят* – ‘разговорами не накормишь того, кто хочет есть, ему надо предложить еду, говорят хозяева дома, когда они, прекращая беседу, приглашают к столу’. Аналогично в татарском языке: *Ачык ишеккә сорамый кералар* (букв. В открытую дверь не спрашивая заходят.). Обычай не закрывать дверь символизирует готовность хозяина к тому, что любой приходящий будет принят как гость, поэтому данное выражение можно интерпретировать как закон гостеприимства.

3. Сложные предложения с придаточным условия, логико-синтаксическая структура которых обуславливает их обобщенность, выражают значение условного долженствования: *Пошел на обед, неси слово в привет* – ‘если идешь в гости, нужно уметь высказать доброе пожелание, ласковое дружеское слово’. В паремии содержится требование быть вежливым, то есть соблюдать правила внешнего обхождения, что способствует умению устанавливать эмоциональные связи с другими людьми. В татарской ФЕ *Яхшы ашың булмаса да, яхшы сүзең булсын* (букв. Даже если нет хорошего угощения, пусть хорошее слово будет) содержится требование быть приветливым с гостем, подразумевается, что уважительное отношение важнее щедрого угощения.

4. Для татарского языка характерны конструкции со сказуемым, выраженным глаголом в будущем времени на *-ер / -ыр*, обозначающим действие, которое может совершиться или совершается все время. Говорящий в данных конструкциях не приказывает и не требует от собеседника осуществления некоторого действия, а просит или предлагает: *Борынгы кунак соңгы кунакка урын бирер* (букв. Прежний гость уступит место позднему гостю).

Во фразеологизмах русского и татарского языков гостю предписывается выполнить следующие нормы поведения, которые относятся к этикету или ценностям внешнего обхождения: проявлять деликатность, скромность, уважение, приветливость. Например: *Гость хозяину не указчик, дома как хочу, а в гостях как велят; В чужом доме не осуждай! На чужой обед надейся, а свой припасай; Пошел на обед, неси (паси) словцо на ответ (на привет); Станут подносить – умей речь заносить; Что поставят, то и кушай, а хозяина в доме слушай!; Сердись, бранись, дерись, а за хлебом-солью сходишь.*

Тат.: *Тоз белән судан башка нәрсәне сорар алма* (букв. Кроме соли и воды ничего не проси); *Авыз ит – рәхмәт әйт* (букв. Попробуй, спасибо скажи); *Аш өстеннән атлама, аштан олы түгелсең* (букв. Не отказывайся (не переступай) от угощения, ты не важнее угощения).

Хозяину следует уметь пригласить, принять, угостить гостя, то есть продемонстрировать уважение, приветливость и благожелательность к гостю, что соотносится с признанием значимости гостя. Например: *Потчевать потчуй, а неволить не неволь; Умей у людей погостить и к себе запросить, до ворот проводить и опять воротить; Умел в гости звать, умей и встречать (угощать); Не будь гостю запасен, а будь ему рад.*

Тат.: *Коры табынга кунак утыртмыйлар* (букв. За пустой стол гостей не сажают); *Ике дошманны бер табынга җыйма* (букв. Двух врагов за один стол не собирай).

Законы гостеприимства, где обобщаются типичные ситуации и констатируются альтернативные модели поведения, представлены в паремиях русского языка, например: *Где пируют, там и бока вздуют; В гостях, что в неволе; Гость на двор – и беда на дворе; Краюшка не велика, а гостя черт принесет – и последнюю унесет; Убогого не зовут на пир.*

В русских ФЕ одно из важнейших предписаний (*В чем гостю воля, в том ему и честь; Дома как хочешь, в гостях как велят*) регулирует распределение власти: хозяин, обладающий по определению всей полнотой власти, демонстрирует самоограничение и признание достоинств и значимости гостя; гость воздерживается от ведущей роли в ситуации и не выдвигает излишних требований. В татарских пословицах системообразующим предписанием является требование соблюдать взаимное доверие и горизонтальную дистанцию, что соотносится с ценностью солидарности, основанной на практике соседских и родственных отношений: *Күмәкләшкән кунак уздырган* (букв. Объединившись, можно провести праздник с участием большого количества гостей); *Ишегеңне ачып куй, кешеләрнекең ачык табарсың* (букв. Дверь держи открытой, тогда и двери людей найдешь открытыми).

Во втором разделе «Человек гостеприимный: ценности и модели поведения» проводится сопоставление представлений о гостеприимном хозяине в русских и татарских ФЕ. В паремиях представлены три группы ситуаций гостеприимства: обрядово-ритуальные, званые праздники и прием незваных и / или случайных людей (посетителей). Обрядово-ритуальные празднества подчиняются строгому этикету: приветствия, благодарности и действия всех участников обряда регламентированы традицией, за соблюдением которой следит хозяин; в этом качестве он выполняет магическую функцию, и его способность быть гостеприимным определяется умением тщательно выполнить все предписания этикета: так, в основе обрядового праздника *җиен* лежит

обычай гостевания (*кунаклашу*), в период которого прием гостей подчинялся этикету, включающему приглашение гостей, подготовку к встрече гостей, прием, угощение и развлечение гостей. С точки зрения обряда, человек гостеприимный – это хороший хозяин. Вторая группа ситуации гостеприимства связана со зваными праздниками. В пословицах русского языка человек гостеприимный умеет пригласить, принять, угостить, развлечь гостя и проявляет такие качества, как вежливость (*Умел зазвать, умеи и встречать; Рад, не рад: а говори: милости просим*), щедрость (*Наперед накорми, а потом расспроси; Ешьте, пейте, хозяйского хлеба не жалеите; угостить на широкую руку*), уважение и внимание ко всем гостям (*Всем подноси, никого не обноси*), радушие (*У него для гостей душа без костей; от всей души*). Осуждается хозяин скрытный и угрюмый (*Зовут Фокою, живет собою; У него замок висит; У него гостят четыре угла; Дома сидит, ни на кого не глядит*), жадный (*Зазвал гостей, глодать костей*), невежливый (*Худ Матвей, не умеет потчевать гостей; Пришел в гости, посидел у холодной печи*). В пословицах представлены модели поведения, в которых хозяин может прогнать гостя (*Кто ходит не зван, редко уходит не гнан*), пренебрегать желаниями гостя (*В гостях воля хозяйская*). Такое поведение не осуждается, так как хозяин обеспечивает порядок в доме, поэтому он решает, кого пригласить и принять как гостя. Расширение функций гостеприимного хозяина обосновано, потому что *Гость гостю рознь, и иного хоть брось; Каковы гости, таков и пир; При дороге жить, всех не угостить*, а гости могут вести себя агрессивно (*За содомом гостей не достанется поглотать и костей; Горевал, что жидко сливал, а как вытили и хозяина выбили; У Филю были, Филю же и побили*), назойливо (*Его помяни только, а он тут; В гости едет, а из гостей ни со двора*). В условиях высокой неопределенности поведения гостя действия хозяина организуются принципом обеспечения безопасности дома и домочадцев. Поэтому одна из задач хозяина – распознать в пришедшем гостя: *Послал Бог гостя, дал хозяину пир* или же *Гостя черт принесет, последнее унесет*. Оппозиции единение / вражда, мир / агрессия (*Сердись, бранись, дерись, а за хлебом-солью сходишь*) определяют ситуацию гостеприимства, поэтому угощение, символизирующее единение, является ключевым действием приема гостей. Неслучайно, В. Даль пословицы о гостеприимстве озаглавил «Гость – хлебосольство», а синонимом гостеприимного человека является слово *хлебосольный*. Хлебосольство – качество характера, заключающееся в готовности и умении хорошо, щедро, обильно угостить, приготовить вкусное и разнообразное угощение.

В пословицах татарского языка гостеприимный человек характеризуется как приветливый (*ачык чырайлы, ачык йөзле*): *Ипи-тоз, якты йөз* (букв. Хлеб-соль, светлое лицо), почтительный (*ихтирамлы*), любезный (*ягымлы*): *Кунак ялгыз ашамас* (букв. Гость не будет есть в одиночестве), искренний (*чын*

күңелдән) и сдержанный (сабырлы): *Килгәнне өеңә керт, алдына тоз-икмәк куй* (букв. *Приходящего в дом впусти, перед ним хлеб-соль поставь*). С точки зрения бинарной логики, возможны модели поведения, в которых хозяин повел бы себя лицемерно и вероломно, проявил бы заносчивость и гордость, но в пословицах татарского языка встречаются модели поведения, в которых проявляются только такие негативные качества, как жадность, скупость (саранлык), злоба (яманлык). Например: *Бирмәснәң ашы пешмәс, пешсә дә, чүмечкә чыкмас* (букв. *У того, кто не хочет угостить гостя, угощение (суп) не приготовится, а если приготовится, то не поместится в половник*); *Китәм дигәч, самавар куймыйлар* (букв. *Когда гость собрался уходить, самовар не ставят*); *Саран байга төшкәнче, юмарт ярлыга төш* (букв. *гость Чем к жадному богачу, лучше к щедрому бедняку приходи*); *Хужасы ыңламый, самовар чыңламый* (букв. *Хозяин не обращает внимания на гостя, самовар не кипит*).

Саранлык (жадность, скупость) является крайностью такого качества, как бережливость, и этимология слова показывает связь этой черты и поведенческого ее проявления с болезнью, поэтому, видимо, и во фразеологизмах татарского языка скупость и жадность получают ироничную неодобрительную оценку.

Яман (плохой, скверный, ужасный) хужа: *Яман үз өеңә үзе кунак* (букв. *Скверный человек в своем доме гость*); *Яманның ашы агу булыр* (букв. *У скверного человека угощение будет отравой*).

В татарской лингвокультуре этимология лексемы *яман* позволяет представить образ антихозяина как человека, не почитающего законы гостеприимства, нарушающего обычай и предписания Корана. Но в пословицах выражается убеждение, что добро может победить зло: *Су бирмәгәнгә сәт бир* (букв. *Тому, кто даже воды не подаст, дай молока*); *Таш белән органга аш белән ор* (букв. *К тебе с камнем, а ты с угощением*).

Третья группа ситуаций гостеприимства связана с приемом странников, случайных посетителей. Народное представление, что нищий есть посланник Божий, нашло широкое распространение у русских и татар. В большинстве случаев нищий был незванным гостем (*алла кунагы, божий человек*), но всегда ожидаемым (подсознательно) и не требующим специального приглашения. Качество 'гостеприимный' связано в этой группе ситуаций с религиозностью хозяина, поведение которого регулируют императивы: «... пусть тот, кто верует в Аллаха и в Последний день, оказывает уважение своему гостю» (Коран), «Страннолюбия не забывайте; ибо чрез него некоторые, не зная, оказали гостеприимство Ангелам» (Библия).

Во втором разделе «Гость как субъект и объект гостеприимства» рассмотрены ФЕ с компонентом *гость*. В русских и татарских фразеологизмах

о гостеприимстве можно выделить семантические оппозиции, которые характеризуют представления о госте: *званный – незванный, желанный – нежеланный* в русском языке и *чакрылган (званный) – чакырымлаган (незванный), юаш (скромный) – оятсыз (бессовестный)* в татарском языке.

В тематической подгруппе «званный / незванный гость» отражено положительное отношение к незваному гостю, что связано с семантикой гостеприимства, восходящей к библейскому тексту: «Ибо алкал я, и вы дали Мне есть; ибо жаждал Я, и вы напоили Меня; был странником, и вы приютили Меня; был наг, и вы одели Меня; был болен, и вы посетили меня; в темнице был, и вы пришли ко Мне» (Мат. 25, 35). Бог вознаграждает гостеприимных, если гостеприимство оказываться от чистого сердца, так как гостеприимство является проявлением милосердия и веры.

Отрицательное отношение к незваному гостю связано с семантикой лексемы *гость*. (*Гость на двор, и беда на дворе; Званный – гость, а незванный – пёс*). *Гость* – приглашенный или допущенный «чужой», который должен соблюдать законы места, куда он пришел. Для всех славянских языков отмечается специфика семантической структуры производных, образующих лексические гнезда с корнем *чуж-* / *чужд-*, которые представляют комплекс «плохой». Например: др.-рус. *Чужий* – ‘чужой’, ‘чуждый’, ‘злодей’, ‘нечестивец’, ‘отвратительный’ [Пеньковский 1986].

Во фразеологии татарского языка палитра отношения к незваному гостю – от снисходительного до почтительного – отражается во фразеологизмах этой группы: *Чакырымлаган кунакны эт каршы алып (букв. Незваного гостя собаки встретят); Чакырымлаган кунак, чакырылганнан олырак (букв. Незванный гость почетнее званого)*.

Тематическая группа «желанный / нежеланный гость», конкретизирует представления об одобряемых и порицаемых стереотипах поведения в гостях. Желанный гость (тот, кого рад видеть принимающий) характеризуется атрибутами *милый, приятный, добрый, хороший*: *Для милых гостей поломать костей; Желанный гость зову не ждет; Доброму гостю хозяин рад*. Нежеланным гостем будет *наглый, капризный, надоедливый* человек: *Ломливый гость голодный уходит; В госте едет, а из гостей ни со двора; Приехал – не здоровался, поехал – не простился; Его помяни только, а он и тут*.

В татарских фразеологизмах оппозиция *юаш – оятсыз* конкретизируется определениями *котлы (уважаемый), адәплә (воспитанный), әулия (святой), сөмсез (надоедливый), аңсыз (непонятливый), сасы (вонючий), әрсез (наглый)*. Например: *Сөмсез кунак килә белер, китә белмәс (букв. Надоедливый гость умеет прийти, не умеет уйти)*.

Представление о ценности гостеприимства в разных языках можно рассматривать как обобщение и языковую категоризацию практики приема

гостей. Во фразеологических диадах отражаются ценностные ориентиры, на основе которых формируются оценочные шкалы. Национально-культурная специфика репрезентации ценностной информации во фразеологизмах о гостеприимстве выражается в формировании различных оценочных шкал и предпочтительных концептуальных основ видения человека в его связях с миром и другими людьми. Культурно специфичными для русских ФЕ являются пиршественные образы *воля, пир, разгул*, которые в этике соотносятся с природной стихией, страстями: *пир на весь мир; пир горой; пировать, так не мудровать; гуляй, душа, нараспашку*. Специфичным для татарских фразеологизмов является осмысление гостя через образы природных явлений: *туча, дождь, ветер, ночь: Иялган болыт, килә дә ява, ди* (букв. *Повядела туча, приходит и проливается дождем*); *Яңгыр явап утар, килган кунак китар* (букв. *Дождь прольется и пройдет, пришедший гость уйдет*); *Кешегә барса ал да гөл, үзгә килсән, җил-давыл* (букв. *У людей розовый и цветущий, если к нему придешь, то ураган*).

В русских ФЕ отражены две категориально-оценивающие системы, вступающие в противоречие: социально-нормативная система, утверждающая ценность дружелюбия, щедрости и скромности и эмоционально-перцептивная система, основанная на симпатии / антипатии. Проблема ценности гостеприимства, как было показано на материале фразеологизмов разноструктурных языков, с точки зрения обыденного сознания решается повседневно и житейски мудро: с одной стороны, опыт человека концентрируется и обобщается в императивных суждениях (нравственных законов), с другой – в частных утвердительных суждениях и ФЕ со структурой словосочетания типизируются возможные ситуации, в которых представлено, что следование даже простейшим нравственным нормам является морально-духовным творчеством, при котором человек создает себя самого как социального субъекта.

Результат аксиологического осмысления ситуации гостеприимства выражается посредством различных языковых показателей ценностей, в качестве которых могут выступать: собственно оценочные слова (*Хорош гость, коли редко приходит; Вакытсыз кунак – бәхетсез кунак* (букв. *Не вовремя гость – несчастный гость*); антропонимы, обозначающие в паремиях любого человека, с упоминаемыми свойствами (*Худ Матвей, не умеет потчевать гостей; Асты каткан, өсте каткан, ашасана, Әхмәтҗан; асты май, өсте май, ашасана, Минлебай* (букв. *Снизу и сверху черствое угощение ешь, Ахметжан; снизу и сверху масляное ешь, Минлебай*); зоонимы используются для образной характеристики человека и выражают отрицательное эмоциональное отношение к объекту оценки (*Помяни волка, он тут; Эт күзе тотен белмәс* (букв. *собачьи глаза дым не ест*); синтаксические структуры

побудительной семантики предписывают выполнить определенную норму; метонимия и метафора отражают ценностное отношение к обозначаемому качеству объекта (*У него замок гостит*. Метафора *замок гостит* создает образ нелюдимого человека и выражает отрицательное отношение к замкнутости как образу жизни. *Котелмагган кунак – караңгы төн* (букв. *Нежданный гость – темная ночь*). Нежданный гость уподобляется темной ночи, таящей неизвестность, и соотносится с архетипической оппозицией светлое / темное).

В третьей главе «Национально-культурная своеобразие фразеологизмов с семантикой 'гостеприимство / кунакчылык'» анализируются существующие подходы к определению национально-культурной специфики, приемы установления эквивалентности сопоставляемых ФЕ. В реферируемой работе выделяются фразеологические эквиваленты (частичные эквиваленты и аналоги).

В первом разделе «Классификация русских и татарских фразеологизмов о гостеприимстве» выявляются фразеологические эквиваленты в пяти тематических группах, представляющих ситуацию гостеприимства в типичных действиях: прием, приглашение и встреча, угощение, проводы гостя, этикетные формулы, приметы, предвещающие приход гостя. Акционарный код культуры глубоко символичен, так как через поступок, действие человек выражает свое отношение к миру. Например, приглашение и встреча гостя (*По первому зову в гости не ходят – Ике чакырмыйча кичә чыкмыйлар*; *К обеду ходят по звону, в гости по зову – Мәчеткә азан белән, кунакка чакыру белән баралар*); угощение *Хлеб-соль и разбойника умирят – Кулы белән кыса алмаган, сые белән кыскан*); приметы (*Собака лает к гостям – Эт төшөндә өрә – кунаклар килә*).

Наибольшая группа фразеологических аналогов представлена в этикетных выражениях и приметах, предвещающих приход гостя. Например, ценность речевого поведения в ситуации гостеприимства закреплена в пословицах: *Слаще меду ласковое слово*; *Балың булмаса да, баллы телең булсың* (букв. *Если нет меда, пусть сладкими слова будут*). Этикетные выражения дают говорящему некоторое множество устойчивых формул с однозначно положительной оценкой того, к кому они обращены. Например, произносятся: *Хороша беседа, да подносят редко* – говорящий совершает действие, в данном случае – просьбу – 'Я прошу хозяина поднести (налить) еще пива / вина и т.п.' *Хәзинәдә бары белән (чем богаты, тем и рады)* – 'Я прошу гостей угощаться всем, что у меня есть'. В русском и татарском языках выделяются 8 подгрупп, которые предоставляют говорящему возможность выразить следующие речевые действия: приглашение, приветствие, извинение, просьбу, потчевание, порицание, благодарность, попрощаться.

Группа татарских фразеологизмов о проводах гостя, прощании и благодарности гостя хозяевам не имеет эквивалентов в русских

фразеологизмах, так как в русском языке заключительный этап представлен только двумя единицами (*Пешего провожай до столба, конного до коня; Пили, ели – кудерявчиком звали; попили, поели – прощай, шелудяк*). Возможно, потому что засиживаться в гостях, гулять всю ночь не являлось предосудительным, а часто случалось, что *В гости на ногах, а из гостей на дровнях*.

Во втором разделе “Лакунарные единицы как отражение ценностей” рассмотрены лакунарные фразеологические единицы, которые в сопоставляемом языке «имеют пробел, пропуск, пустоту, т.е. лакуну, нулевой коррелят “лакунарной единицы”», раскрывая «специфику, уникальность, контрастивность одного языка по отношению к другому»; они связаны с уникалиями, представляющими «признак, свойство, внутрисистемную корреляцию, закономерность и т.д., которые обладают параметром ограниченности, единичности, исключительности и специфичности» [Байрамова, 2004: 43, 45, 47, 71]. С этой точки зрения релевантным основанием классификации лакунарных единиц является компоненты лексико-семантической информации, на уровне которых проявляется лакунарность. Так, в классификации лакунарных фразеологических единиц, разработанной Байрамовой Л.К., выделяются этнографические, лингвокультурологические, социально-исторические, ментальные и ассоциативные единицы и лакуны.

К этнографическим фразеологическим лакунарным единицам о гостеприимстве относятся языковые единицы, в которых отражается бытовое и обрядовое поведение. Например: *Званные по застолу, а незванные по застолбу; Званный – гость, а незванный – пес (не черт его нес); На незваного гостя не припасена и ложка; Незван гость, не припасена и честь; Эта группа фразеологизмов отсылает к обычаю братчины. Братчина / складчина, ссытчина – пир на общий счет, называемый иногда братовщиною и братовщинками; участники в ней назывались ссытцами, вероятно, оттого, что в старину каждый жертвовал на варение пива и браги зерном. В братчину не принимались незванные гости, незванными не должны были приходиться даже скоморохи, которые обычно развлекали пирующих.*

Культурологические лакуны отражают культурные и духовные традиции народа, получают интерпретацию через выделение культурных кодов. Например, кулинарный или пищевой код в русских и татарских фразеологизмах различен: *Пивца ведерочко, по самое перебеселочко; Горевал, что жидко сливал, а как выпили, так хозяина выбили*. Питье (вино, пиво) в русской культуре имело обязательный характер при встрече гостя, во время церемониальной или обрядовой трапезы, что приводило иногда к бытовому и ритуальному пьянству. Недопивать и недоедать в гостях не разрешалось: *Кто не выпил до дна не пожелал добра; Недопиваешь, так недолюбиваешь*.

Ментальные лакунарные единицы отражают мировосприятие народа, способ мышления, обусловленный своеобразием в языковом членении объективного мира. Например, в татарских ФЕ выделяется особая категория гостя, обремененного детьми или собакой (у мусульман собака – нечистое животное): *Этле кунак йортка сыймас, балалы кунак өйгә сыймас* (букв. Гость с собакой не разместится во дворе, гость с ребенком не разместиться в доме). Таким образом, акцентируется то, что гостю не следует излишне обременять хозяина.

Идея взаимности (реципрокности), основанная на оппозиции право / долг является значимой во фразеологизмах татарского языка. Веление долга – этическая прескрипция, которой подчиняются из внутренних побуждений. Лексема *килгән (пришедший)* часто замещает слово *кунак (гость)*, тем самым дается прозрачный критерий для распознавания гостя: статус гостя получает любой, приходящий в дом.

В третьем разделе “*Образная составляющая в семантике русских и татарских фразеологизмов о гостеприимстве*” рассмотрены метафорические модели, лежащие в основе фразеологизмов русского и татарского языков с семантикой ‘гостеприимство / кунакчыллык’. Для русских ФЕ можно выделить следующие когнитивные метафоры, лежащие в основе внутренней формы фразеологизмов и характеризующие своеобразие концептуализации: 1) широта, размах праздника (пространственные модели), 2) объятия (кинестетические модели). Например: *Распростертые объятия* – ‘радушно’, имеется в виду, что лицо охотно, с радостью встречает другое лицо. Внутренняя форма фразеологизма соотносится с символическим жестом, обозначающим в русской культуре способ приветствия человека, к которому мы питаем симпатию и находимся на одной вертикальной дистанции. Объятия – сведение горизонтальной дистанции к минимуму – свидетельство доверия, приязни людей друг к другу. Компонент *распростертые* – пространственный образ безграничности (просторы, простираться, концепт простор в русской языковой картине мира монтируется с лингвоспецифичным концептом родного [Шмелев, 2003], приставка *раз- / рас-* несет в себе идею занятия большого пространства [Зализняк, Шмелев, 2003]). Пространственные и кинестетические категории метафорически переосмысляются как категории внутреннего мира – что является специфическим по отношению к татарскому языку, где радушный прием осмысляется в визуальных метафорах. Например, в татарском фразеологизме *ачык чырай белән / ачык йөз белән*, компонент *ачык* содержит идею открытости, ясности, отсутствия преград и потаенного. Компонент *чырай / йөз (лицо)* связан с представлением о том, что переживаемые человеком чувства отражаются на лице, и поэтому визуальное восприятие ориентирует человека в отношениях к другим людям. Неслучайно, в татарском языке

сравнительных оборотах, антропонимах (Фома, Ананья, Кирюшка, Зариф, Минлебай).

Национальная специфика представлений о гостеприимстве выражается в наличии лакунарных единиц, и, как показало наше исследование, несмотря на длительную историю контактов русского и татарского народов, которые способствовали процессам обогащения фонда ФЕ за счет калькирования, группа лакунарных единиц представлена в русских и татарских фразеологизмах достаточным количеством единиц.

Основное содержание диссертационной работы отражено в следующих публикациях:

В изданиях, рецензируемых ВАК:

1. Байрамова Л.К., Юнусова Р.Д. Человек гостеприимный: ценности и модели поведения / Р.Д.Юнусова // Ученые записки Казанского гос. ун-та. – № 150, т. 2. 2008. – С. 90-96. (степень участия автора – 0,4 п.л.)

2. Юнусова Р.Д. Семантика фразеологизмов о гостеприимстве: аксиологический аспект / Р.Д.Юнусова // Проблемы истории, филологии, культуры. – № 26, 2009.

в других изданиях:

3. Юнусова Р.Д. Русские и татарские фразеологизмы со значением 'гостеприимства / кунакчылык' как отражение межкультурной коммуникации / Р.Д.Юнусова // Теории и практики языкового плюрализма и билингвизма: междисциплинарный подход. – Казань: Изд-во Казан. гос. ун-та, 2006. – С 124-125.

4. Юнусова Р.Д. Гостеприимство: философская интерпретация и концептуальный анализ / Р.Д.Юнусова // Языковые уровни и их анализ (на материале языков разных систем). – Казань: Gumanitarya, 2007. – С.127-134.

5. Юнусова Р.Д. Аксиология гостеприимства в русских и татарских паремиях / Р.Д.Юнусова // В.А.Богородицкий: научное наследие и современное языковедение. – Казань: Изд-во Казан. гос. ун-та, 2007. – С.142-144.

6. Юнусова Р.Д. Аксиологический аспект представлений о гостеприимстве в русских и татарских фразеологизмах / Р.Д.Юнусова // Билингвизм как явление межкультурной коммуникации: реалии и перспективы. – Казань: «Алма Лит», 2007. – С.166-170.

7. Юнусова Р.Д. К вопросу о статусе понятия «отрицательная ценность» в исследовании аксиологического аспекта языка / Р.Д.Юнусова // Язык и культура в России: состояние и эволюционные процессы. – Самара: Изд-во Самар. гос. ун-та, 2007. – С. 123-128.

8. Юнусова Р.Д. Прагматика русских и татарских фразеологизмов с семантикой гостеприимства: аксиологический аспект / Р.Д.Юнусова //

компонент *курсэту (показать)* входит в состав многих фразеологизмов, так как предполагается, что расположение к другому можно и нужно показать, то есть внутреннее можно увидеть через внешнее.

В **Заключении** формулируются выводы, полученные в результате проведенного исследования.

Представления о ценности гостеприимства восходят к традициям, мифологии и религиозным учениям. Ценности, лежащие в основе фразеологической концептуализации фрагмента повседневной практики и праздничной культуры народа, могут быть структурированы и систематизированы в аксиологическом аспекте. Общим для представлений о ценности гостеприимства в русских и татарских фразеологизмах является признание важности отношений, возникающих между людьми в ситуации гостеприимства, построенных на уважении и терпимости. Преобладание установки на себя (эгоизм, одиночество, замкнутость, жадность) является предосудительным в русских и татарских фразеологических единицах.

В русской и татарской фразеологии о гостеприимстве представлены пищевой, пространственный, деятельностный, соматический, зооморфный, вещный и природный культурные коды. Частотное распределение лексем, соотношенных с указанными кодами, в русском и татарском языке одинаково. Исключение составляют деятельностный (24% в русских ФЕ и 38% в татарских ФЕ) и пространственный (26% в русских ФЕ и 20% в татарских ФЕ) коды культуры.

На материале русских и татарских фразеологизмов о гостеприимстве выделены фразеологические диады, которые соотносят гостеприимство с нравственно-этической сферой, и получают смысл в системе аксиологем. Дифференцируя для себя значимость или незначимость (т.е. ценность в широком смысле) предметов, фактов, явлений действительности, человек познает свое положение в собственной картине мира и место в ней окружающих его людей. Этим обстоятельством обусловлена эффективность выделения фразеологических диад для интерпретации аксиологической информации в значении фразеологизмов. Помимо эксплицитного выражения ценностей в виде норм, образов идеального гостя и идеального хозяина, существуют имплицитные формы, которые в работе обозначены термином аксиологические маркеры.

Национальная специфика и ценностная информация в русских и татарских фразеологизмах о гостеприимстве проявляется в обозначении бытовых реалий (красное место – почетное место под образами; түр башы – центр дома), традиционных блюд (пиво, пироги; бал, чэй, коймак), лексике с оценочным значением (дорогой, легкий; якты, ямле), зоонимах, характеризующих гостя (обезьяна, волк, эт, таракан, кош), символах (хлеб-соль, ачык ишек),

Языковая семантика и образ мира. – Казань: Изд-во Казан. гос. ун-та, 2008. – С.130-132.

9. Юнусова Р.Д. Ценность гостеприимства в произведениях Л.Н.Толстого / Р.Д.Юнусова // Л.Н.Толстой – это целый мир. – Тула: Изд-во Тульского гос. пед. ун-та, 2008. – С.289-297.

Отпечатано в типографии
«Деловая полиграфия»
420111, г. Казань, ул.М. Межлаука, 6
т/ф (843) 292-08-43
e-mail: miniitipografiya@list.ru

Подписано в печать 11.14.2009г.

Бумага офсетная Усл.печ.листов 1 а.л. Тираж 100 экз.
Заказ № 89/2009

10-